

НИКОЛЬ ФОССЕЛЕР

*По ту
сторону*
НИЛА

ЭКМО

Москва 2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)
Ф 81

Nicole C. Vosseler
JENSEITS DES NILS

Copyright © 2012
by Bastei Lübbe GmbH & Co. KG, Köln

Перевод с немецкого *О. Боченковой*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Фосселер Н.

Ф 81 По ту сторону Нила / Николь Фосселер ;
[пер. с нем. О. Б. Боченковой]. — М. : Эксмо,
2013. — 480 с.

ISBN 978-5-699-67926-3

Несколько поколений мужчин английского семейства Норбери были военными. И дочерей они воспитывали как будущих офицерских жен, чьи главные достоинства — преданность и терпение. «Дождись меня» — с этими словами кадет Джереми Данверс покинул свою возлюбленную Грейс Норбери, отправившись в Египет. Он пропал без вести в пустыне. Кто знает, может быть, он оказался в плену? Потерявшая голову от любви Грейс не может сидеть сложа руки. Она отправляется вслед за возлюбленным на ту сторону Нила...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)

© Боченкова О.,
перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67926-3

Йоргу,
который показал мне сад в пустыне,
созданный для меня.

Николь Фосселер

...под пальмами алмазные колодцы,
И к ним бредет выносливый верблюд
Сквозь ночи темноту и день слепящий,
Встающий испарением песков...
...глоток воды живительной его
Убережет от смерти и паденья¹.

Альфред Теннисон

---

¹ Пер. О. Боченковой.

КНИГА
ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ
ЛЕТО

Я так люблю ленивый летний вечер,
На западе сиянье золотое,
И вереницы легких облаков
Уносятся на парусах эфира,
А вместе с ними — суетные мысли.
...там, в горней колыбели мироздания,
Утешится скорбящая душа?...

Джон Китс

---

² Пер. О. Боченковой.

жизни бывают особенно памятные времена года.

Например, зима в детстве, когда беспрерывно идет снег и земля лежит притихшая под белым покрывалом. На улицах и улочках громоздятся набросанные лопатами сугробы высотой в человеческий рост, на которые хочется взбираться снова и снова, чтобы потом, оглашая окрестности радостными криками, съезжать по ледяному склону, даже ничего не подстелив под штаны. А вечером, с горящими щеками, ощущая зуд и покалывание в окоченевших пальцах, уплетать у камина покрытые сморщенной кожицей печеные яблоки, кислые, но пропитанные сахарным сиропом и от души сдобренные гвоздикой и корицей.

Или осень, когда деревья стоят словно охваченные пламенем, а свет низкого солнца похож на расплавленное золото. В такие дни легко расстаешься с летом, пресытившись душой и телом и полуденной жарой, и ночной духотой, и синевой неба, и запахом цветущих лугов.

А еще весна, когда почки распускаются за одну ночь, как раз в тот момент, когда начинаешь думать, что зиме конца не будет.

И все же лето 1881 года было исключительным. Все они — и Джереми с Грейс, и Леонард с Сесили,

и Бекки, и Ада со Стивеном, и Саймон, и Ройстон — запомнили его на всю жизнь.

Оно пришло рано, еще в мае, и щедро рассыпало свои дары по просторам Южной Англии. Как будто было послано людям в утешение после сурового января с его частыми снежными бурями и холодной весны. Полное жизненной силы и щедрое на краски и тепло, это лето готовило им немало сюрпризов. Дни напролет они бездельничали и смеялись, а по ночам устраивали шумные праздники. Молодые и беззаботные, свободные и непобедимые, они жили настоящим, наслаждаясь радостями искренней дружбы и первой любви. Их рассвет обещал так много!

В то лето, когда Ада Норбери вернулась домой, все только начиналось.

1

Паровоз пыхтел, окутанный клубами дыма, и походил на толстокожую гусеницу, метр за метром проедающую себе путь в зелени лугов и полей. Этим солнечным майским утром он выехал с лондонского вокзала «Ватерлоо» и двинулся на юго-запад. Ада улыбалась, узнавая лесную опушку, деревеньку или одинокий дом, и округляла темные глаза, когда видела что-нибудь новое. Собственно, изменилось не так много. Здесь, в графстве Суррей, время будто остановилось. От этих просторов веяло все тем же задумчивым, мечтательным покоем.

Вот колеса застучали по мосту, и сердце Ады забилось сильнее. Здесь река становилась широкой и полноводной. Через все графство Суррей несет Вэй свои искрящиеся селадоновые³ воды, чтобы в этом месте соединиться с Темзой и уже вместе с ней течь на север, в сторону Лондона, и дальше, к морю. На

³ Селадоновый цвет — серовато-зеленый. По названию особого типа глазури, применяемой для покрытия керамических изделий.

своем пути Вэй пересекает городок Гилфорд, но прежде, чем достичь его сонных пределов, возле Шелфорда, вбирает в себя еще одну речушку, которую дети семьи Норбери некогда считали своей. Это Кранлей, и она настолько мелкая и узкая, что временами почти исчезает в прибрежных зарослях ив и ясеня. Но ее похожее на негромкий смех журчание тихими летними ночами было слышно даже в саду у Норбери. А стоило установиться более-менее теплой погоде, как дети дружно устремлялись к ней и строили плотины из ила, веток и пучков травы, пускали кораблики или просто плескались, оглашая берега криками и визгом. Они продолжали это делать и когда выросли и стали слишком взрослыми для таких забав.

Радость возвращения омрачала тоска по прошлому. Она не оставляла Аду и в последние несколько месяцев, разве поутихла с того самого дня, как началось это заманчивое и пугающее приключение, повлекшее за собой мучительную разлуку и означавшее не что иное, как бегство.

Пальцы Ады судорожно сжались, захватив полную горсть плотной ткани, из которой была скроена ее узкая юбка. Потом снова разжались и осторожно, почти благоговейно разгладили материю. Парижская модель, «практически не поддается износу, мадемуазель», как заверяли Аду в модном салоне на Рю-де-ла-Пэ. Юбку дополнял приталенный жакет до бедер и шляпка такого же насыщенного бардового цвета. Чем не костюм для современной и уверенной в себе молодой светской дамы?

— Простите, вы тоже едете до Портсмута?

Кровь бросилась Аде в лицо. Она вздрогнула и испуганно, исподлобья посмотрела на свою соседку, пожилую женщину в черном, с которой за все время пути не обменялась ни единым словом, если не считать короткого приветствия.

— Нет, только до Гилфорда, — тихо ответила Ада и даже чуть улыбнулась.

— Ах! — воскликнула дама, захлопывая книгу, до сих пор полностью поглощавшую ее внимание. — Надо же так обмануться! Еще на вокзале я обратила внимание на ваш огромный чемодан и подумала: «Бедное дитя, что заставило ее одну пуститься в столь долгий путь?»

— Всего-то сорок пять минут езды, — возразила Ада. — Встречать меня в Лондоне не имело смысла.

Она постаралась, чтобы это прозвучало как нечто само собой разумеющееся. Она гордилась тем, что предприняла это путешествие в одиночку.

— Я возвращаюсь из поездки по континенту, — добавила Ада. — Она длилась больше года, и только вчера я сошла на берег в Дувре.

Попутчица небрежно отбросила книгу и сложила руки на коленях.

— Набирались впечатлений? Прекрасно! Вы, конечно, побывали в Италии?

Ада кивнула:

— И во Франции, и в Германии. И даже в Греции.

От приятных воспоминаний лицо ее просветлело: путешествие по Рейну и красный камень Гейдельбергского замка в лучах закатного солнца, роскошные берега Женевского озера и хрупкая красота дворцов Венеции. В памяти промелькнули флорентийские башни и купола, фонтаны на античных развалинах Рима и роза, которую она положила на могилу Китса, афинский Акрополь и, конечно, Париж, с его чудесными кафе и уличными художниками, книжными лавочками на берегу Сены, великолепным Лувром и жутковатой красотой Нотр-Дама.

— Замечательно! — Ее попутчица вздохнула. — Ничто так не расширяет кругозор и не радует душу, как путешествия. Этих впечатлений вам хватит на долгие годы.

Ада снова улыбнулась, на этот раз шире.

— Жду не дождусь, когда смогу рассказать обо всем этом родителям, брату и сестре.

Ее соседка задумчиво покачала головой, в уголках глаз появились добрые морщинки.

— Разумеется, ведь с вами столько всего случилось за это время! Как же будут счастливы ваши родные снова видеть вас в своем кругу!

Ада беспокойно заиграла пальцами, на ее лицо легла тень. Рано или поздно ей предстоит серьезный разговор с родителями. Не сегодня и не завтра, но непременно до наступления лета. Она размышляла об этом еще там, на чужбине, и в долгих разговорах с мисс Сиджвик ее намерение созрело до твердого решения.

— Ги-и-илфорд! Следующая станция Ги-и-илфорд!

Поезд уже тормозил, и голос проходившего мимо купе кондуктора избавил Аду от необходимости ответить пожилой даме. Ада решительно натянула перчатки и схватилась за чемодан.

— Я выхожу. Счастливого пути! — попрощалась она с соседкой.

— Большое спасибо. И вам благополучного возвращения на родину! — отозвалась та.

Тормоза завизжали, вагон толкнуло, и локомотив, пыхтя и фыркая, остановился. В проем распахнутых дверей опустились металлические ступеньки, по которым Ада, опираясь на руку услужливого проводника, и сошла на перрон.

Над крытой платформой клубился дым, и люди, ожидавшие друзей или родственников из Лондона перед неуклюжим кирпичным строением вокзала или с минуту на минуту готовые броситься в сторону Портсмута, стояли как в тумане. В медленно рассеивающихся клубах носильщики разгружали багаж прибывших в Гилфорд и поднимали в вагоны сумки и чемоданы отъезжающих.

— Вот она! Адс! Мы здесь, здесь!

Это было ее детское, но до сих пор не забытое прозвище. Ада оглянулась. Легкая и смеющаяся, подобно

рассекающему утренний туман солнечному лучу, ей навстречу бежала Грейс. Одной рукой она приподнимала подол голубого цветастого платья, другой придерживала соломенную шляпку.

— Грейси! — отчаянно выдохнула Ада.

Сестры бросились друг другу навстречу. Сейчас казалось, нет на свете силы, способной их разлучить.

— Добро пожаловать домой, дорогая.

Голос матери обволакивал, как нежные объятия. Ада почувствовала знакомый аромат лаванды и вербены, который, сколько она себя помнила, вселял в нее чувство защищенности.

— Мама!

Глаза наполнились слезами. При виде их Бекки перестала улыбаться, и ямочки на ее щеках разгладились. А Бен... старик Бен довольно морщил перед ней обветренное, похожее на печеное яблоко лицо. Он приложил пальцы к твидовой кепке, прежде чем взяться за чемоданы с бирками на ручках: «Ада Норбери. Шамлей Грин. Суррей, Англия».

Сердце Ады было готово разорваться от радости.
Я вернулась домой!

2

— Возьмем, к примеру, разведывательный рейд лорда Реглана в битве на реке Альма...

Полковник сэра Уильяма Линтона Норбери сделал многозначительную паузу и холодно оглядел аудиторию. Два десятка молодых людей в форме цвета морской волны внимали его словам с неослабевающим вниманием. На нем был такой же темно-синий китель, однако на плечах и стоячем воротнике красовались свидетельствующие о ранге полковника знаки, а по боковому шву на брюках тянулась красная преподавательская полоса, в то время как единственным украшением кадетских мундиров оставались медные пуговицы.

Высокий и жилистый, полковник не утратил за годы отставки военной выправки, которая давно вошла в плоть и кровь. Хотя сейчас, почти в шестьдесят, поддерживать ее стоило немалых усилий. Его некогда будто высеченные из камня черты с возрастом потеряли былую четкость, словно поистерлись, овеянные ветрами Гиндукуша, омытые муссонными ливнями и шлифованные песками пустынь. Лучи палящего солнца проложили на лице полковника глубокие борозды и выщелочили некогда каштановые волосы до прозрачной, как лед, седины. Сосуды полопались от мороза и ветра, и теперь нос и щеки сэра Уильяма покрывала сеть красноватых разводов. Это лицо, отмеченное тяготами военной жизни с ее вечным балансированием на грани смерти и гордостью за безупречную службу британской короне, стало для курсантов воплощением их собственного будущего.

— Ну, кто готов высказаться?

Краем глаза полковник заметил поднятую в первом ряду руку, ту, которая всегда поднималась в таких случаях, непринужденно играя пальцами, в то время как локоть оставался лежать на столе, спокойно и без напряжения, — жест скорее самоуверенный, чем исполненный ученического усердия.

Однако выбор преподавателя пал на другого курсанта, который сидел, подперев кулаком угловатый подбородок и уставившись в пустоту. Он чуть заметно двигал ногой в такт неслышной мелодии, и это движение отзывалось ритмичными подергиваниями пера в его руке. Когда будущий офицер подавил зевок, мускулы нижней части его лица спазматически сократились.

— Кадет Дигби-Джонс!

Голова с коротко остриженными светло-русскими волосами дернулась, и Саймон Дигби-Джонс подпрыгнул, как черт из табакерки.

— Простите за невнимательность, сэр.

Юноша поднял на полковника большие глаза, серые, как дождевое облако, и такие же переменчивые.